

С.Н. ПЕРЕВОЛОЧАНСКАЯ
(Москва)

ОБРАЗ АВТОРА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ АБСТРАКЦИЙ

Описывается текстовая категория «образ автора». Феномен текста рассматривается как открытая система, вписанная в дискурс, в котором исходная текстовая единица не равна конечному продукту, моделируемому тексту. В соответствии с таким пониманием по-другому высвечивается и категория «образ автора»: она определяется в рамках концепции первичного и вторичного автора. Метафора в научном дискурсе активно включает читателя в диалог с исследователем, в процесс интерпретации смысла. Метафоризация становится одним из когнитивных механизмов «творящей» формы, она необходима в моделировании вторичного текста.

Ключевые слова: образ автора, дискурс, интерпретация, моделирование, смысл, метафоризация.

Научный текст как когнитивный феномен связан с процессом познания, предполагающим абстрагированный, логический характер изложения. Эти качества в идеале должны обеспечить объективность научного описания. Суть данного признака заключается в том, что автор должен «раствориться» в текстовой структуре, субъективная исследовательская позиция должна быть «закодирована» неким условным, *отстраненным*, обобщенно-отвлеченным образом автора. Автор-исследователь остается при этом всегда «в тени». Такой прием обеспечивает перенос восприятия научной идеи с субъекта на объект исследования. Объективность мысли поддерживается такими качествами, как смысловая точность (тенденция к однозначности выражения мысли), с одной стороны, безобразность и скрытая эмоциональность – с другой. Последнее возможно в полемических научных работах, отличающихся особенной новизной темы и проблематики. Строгость и выдержанность формируют стилевые черты научного дискурса.

Говоря о том, что научный стиль предполагает внешнюю «удаленность» автора для создания объективности научного исследования, не следует забывать о личностном отношении

ученого к предмету научного описания. Речевая структура текста «напоминает» об этом: автор как генератор научных идей соединяет все компоненты в смысловое и структурное единство, в котором видна индивидуально-авторская манера письма, языковая личность автора. Последнее воплощается в текстовой категории «образ автора», синтезирующей различные модусы личности исследователя – как лингвистический, так и психологический. Образ автора следует признать смыслообразующей и текстообразующей категорией научного текста, «идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [3, с. 118]. Он представляет собой «концентрированное воплощение сути произведения» [Там же].

В филологической литературе понятию «образ автора» посвящено значительное количество исследований (активная разработка проблемы началась в работах В.В. Виноградова), в лингвистике данное понятие уточняется через текстовую категорию персональности, через языковую категорию модальности. Но до сих пор данная концептуальная единица не имеет конкретного контура. В современной филологической науке этот вопрос осложняется различным видением феномена текста, который может рассматриваться как открытая система: в статике – как результат творческого акта творца-автора, а также в динамике – как моделируемый конструкт. Двуплостастность такого представления позволяет выделить *фенотекст* (готовый продукт) и *генотекст* (как постоянно создающийся конструкт) (термины Ю. Кристевой). Чужой (авторский) текст поглощается, усваивается читателем (слушателем). Тем самым воспринимающее сознание активно «вмешивается» в чужой текст, продуцируя другой («свой») текст. Первоначальный текст раздваивается «на поверхность и глубину, на означаемую структуру и продуцирование означивания» [6, с. 192]. Появляются разные по своей сущности тексты, статический (результат творческого акта) и динамический (продуцируемый текст), Первый имеет материальную форму своего воплощения (означаемое всегда фиксируется в означаемом), второй только моделируется, он абстрактен, «оперирует аналитико-лингвистическими категориями» [Там же, с. 194]. Он как означаемое в своей продуцируемости материально не оформлен, он открыт для множественности понимания (предполагаемый, интерпретируемый). Между этими текстами возникает «диа-

лог». «Если собеседник – это текст, то и субъект также оказывается текстом» [6, с. 105]. Таким образом, текст воспринимается как живой организм, изменяющийся во времени. Созданный однажды продукт (текст) подвергается процессу «изъятия» смыслов и их интерпретации, он живет в режиме реального времени. Эта «неконечная» единица включается в более широкий контекст – *дискурс*: исходный текст (готовый продукт) не может быть равен продукту конечному (моделируемому // интерпретируемому тексту). Такой конструкт можно рассматривать как синтетическое и интегрирующее образование. В этом заключается антропоцентрическая сущность текста. Общее видение проблемы можно представить на рис. 1 (конечно, эта схема условна и умозрительна).

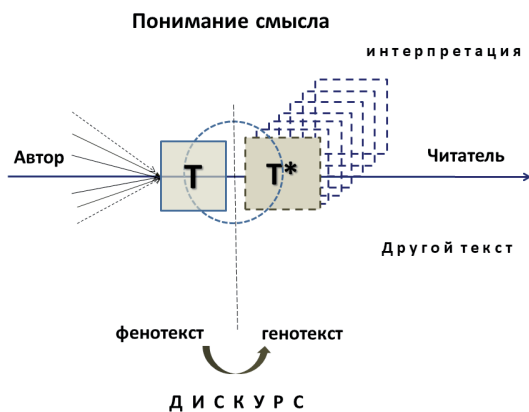

Рис. 1. Моделируемый текст: Т – текст₁ (фенотекст), Т* – текст₂ (генотекст)

В соответствии с таким пониманием «жизни» текста по-другому высвечивается и категория «образ автора», контуры которого размываются. «Неструктурированному и не структурирующему (выделено нами. – С.П.) генотексту неизвестен субъект. Внешний по отношению к субъекту, он также не является его нигилистическим негативом, поскольку и есть его «иное», действующее по ту и другую сторону от него» [Там же, с. 195].

В концепции «образа автора» В.В. Виноградова, построенной на специфике текстовой композиции всех компонентов, затушевана важная составляющая – стратегия дискурсивного мышления читателя. М.М. Бахтиным в рамках диалогичности авторской мысли выделяется «первичный (не созданный) и вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором)» [2, с. 353]. Первичный ав-

тор не может быть образом, не может войти в созданный им образ: ускользая от образного представления, «первичный автор облекается в *молчание*» [2, с. 353]. Иерархичность концепции автора у М. Бахтина может быть представлена как триада: биографический автор – первичный автор – вторичный автор [8].

Автор-творец, по М. Бахтину, «конститутивный момент художественной формы» [1, с. 58], для него важно противостояние пассивного содержания («*что или о чем говорится*») и активной формы («*как говорится*», «*чувство деятельности осмысленного говорения*») [Там же, с. 64], которая представляет собой «активное ценностное отношение к содержанию» [Там же, с. 58]. Именно поэтому форма воспринимается автором-творцом (первичным автором) как эстетический феномен, творящий содержание.

Концепция вторичного автора направлена на читателя (слушателя) – воспринимающее сознание. В нем проявляется эстетический акт *творения текста*, который «делает возможным завершение и вообще осуществление всех эстетических функций формы по отношению к содержанию» [Там же, с. 59]. В этом акте важна роль слова, которое по сути своей диалогично. «Чувство словесной активности» позволяет завершить процесс переплавки, претворения формы в содержание. «Так, при чтении или слушании <...> я не оставляю его (произведение. – С.П.) вне себя, как высказывание другого, которое нужно просто услышать и значение которого <...> нужно просто понять; но я в известной степени делаю его своим собственным высказыванием о другом, усваю себе ритм, интонацию, артикуляционное напряжение, внутреннюю жестикацию (созидающие движения) рассказа, изображающую активность метафоры и проч., как адекватное выражение моего собственного ценностного отношения к содержанию, то есть я направлен при восприятии не на слова, не на фонемы, не на ритм, а со словами, с фонемой, с ритмом активно направлен на содержание, обымаю, формирую и завершаю его (сама форма, отвлеченно взятая, не довлеет себе, а делает самодовлеющим оформленное содержание). Я становлюсь активным в форме и формой занимаю ценностную позицию вне содержания» [1, с. 58–59]. Взаимодействие и диалог между первичным и вторичным автором происходит в творящей форме: «форма есть выражение активного ценностного отношения автора-творца и воспринимающего (создающего форму) к содержанию» [Там же, с. 59]. Последнее может трактоваться как

смысловая развернутость, многослойность, открытость художественной системы.

В качестве итогового момента в рассуждениях представим триаду в концепции автора с уточняющими компонентами: биографический автор (конкретный человек-автор, живущий вне текста, во всей совокупности своих индивидуальных качеств) – первичный автор (автор-творец, «субъект эстетической активности») – вторичный автор (автор – *co*-творец, воспринимающее сознание условного читателя). Данная триада вполне укладывается в рамках «живущего», «творящего» духа дискурса (рис. 2).

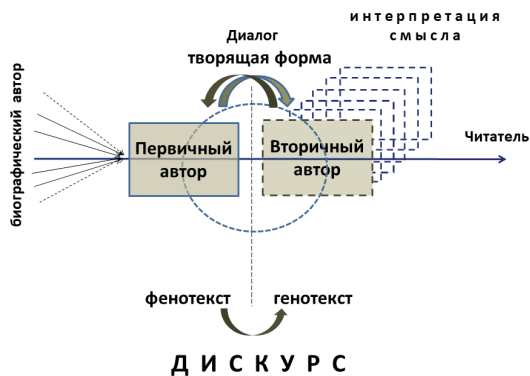

Рис. 2. Представление концепции «образа автора» в дискурсе

Данные рассуждения, как правило, считаются приемлемыми для художественного текста. Но они применимы (даже в большей степени) к научному тексту. Он динамичен, в нем обнаруживается особый тип авторской рефлексии, есть желание найти обратную связь с адресатом речи. Мировоззренческие универсалии через аналогию (параллелизм), ассоциативность, интертекстуальность способствуют развитию исследовательской мысли, вписываются в научные концепции и помогают формированию перспективных идей. Научный текст как когнитивный феномен не может быть конечным продуктом, причина – бесконечность и неисчерпаемость процесса познания. Автор-исследователь (генератор научных идей) должен «заразить» со-автора, «спровоцировать» имплицитный и эксплицитный научный диалог. Исследователь вступает с читателем в интеллектуальный разговор. В процессе поиска основной идеи, научной интерпретации читатель обращается к имеющимся в долговременной памяти фреймам (сценариям), кото-

рые помогают включить механизмы, отвечающие за восприятие и понимание научного текста. В этом и заключается процесс порождения собственного текста с ретроспективным освоением мысли автора и перспективным развитием его идеи. *Co*-творец-читатель выражает свое отношение через оценочную категорию модальности, он живет в интертекстуальном поле научной мысли автора-творца, пытается понять авторскую эстетику научного описания. Авторская стратегия, творящая форма отсылает воспринимающее сознание в область ментального, в концептуальную сферу, позволяющую через концепт порождать новые смыслы, конструировать новые тексты.

Отметим интересную деталь: современный научный дискурс (прежде всего в гуманитарной сфере) стремится в область «художественного», стирая грани между искусством, литературой и наукой. Эпоха креативного мышления порождает и особый тип научного текста.

В научном дискурсе индивидуальная манера создателя текста проявляется в желании быть понятым, воздействовать на получателя информации. Тогда творящая форма, интеллектуально и эстетически заряженная автором-творцом, делает «безличное» (объективированное) слово языка выразителем смысловой (научной) позиции исследователя. Сопряжения авторской и читательской рефлексии превращает монологическое слово в диалогическое. Моделируемый текст лежит в области смыслового прорастания, творящая форма через диалогичность, через полемичность создает условие для построения когнитивного конструкта. При этом возникает «конфликт» универсального и индивидуального, проявляющийся в оппозиции черт научного стиля и индивидуально-авторских особенностей: объективация ↔ интимизация; безличное слово ↔ слово как выразитель смысловой интенции автора; монологичность ↔ диалогичность; отсутствие оценочности ↔ наличие оценочности, выраженной через авторскую модальность; безобразность ↔ образность.

Все это создает функционально-стилистическую окрашенность научного текста. Тогда образность, метафоризация на фоне общей безобразности научного текста становится своеобразным рекламным ходом индивидуально-авторского стиля. Например, стиль научного изложения Вильгельма фон Гумбольдта характеризуется особой метафоричностью, особой формой «художественности». В его текстах можно встретить и сравнения, и аналогии,

и олицетворения как проекции того или иного образа на определенные научные понятия. Язык, представленный как вечное движение, описывается немецким философом и лингвистом в образах дороги, колеи, потока, парения в воздухе, молнии, пламени и т. п.: «Язык есть **русло**, по которому дух может **катить** свои **волны**»; «Дух парит над языком как **над бездонной пучиной**»; «Понятие не в состоянии отделиться от слова, как человек не может **сбросить с себя свое лицо**»; «Душа могла бы мало **понять** артикуляцию (звуков), **как слепой – цвет**»; Звуковую форму языка «можно также рассматривать как **скорлупу**, в которую как бы **втискивается** язык» [7].

Все стилистические средства, функционирующие в научных текстах, не являются *окациональным* набором тропов и фигур речи, это система средств выражения, создающая целостную картину научного видения объекта описания, это творческая форма.

«Текст должен быть кратким. <...> Это должно быть концептуальное письмо. Текст должен очаровывать и занимать. Это должно быть произведение литературы. Одна метафора может быть дороже многостраничного эссе» [9]. Так проявляется диалектическое взаимодействие общего и частного, объективного и субъективного в научном стиле речи.

Механизм такого соединения – процесс метафоризации. У метафоры обнаруживается основанная на образности семантическая двуплановость, которая зависит от контекстного окружения. В научном дискурсе такая двуплановость создает особую информационную емкость метафорического знака. Через внутреннюю образность метафоры происходит семантическое преобразование, этот «механизм» «пускает» слово в «лоно» мысли: метафора является средством создания научного понятия, формирование которого и завершает процесс познания. Так, в составном лингвистическом термине из области семантики *обертонны смысла*, первый компонент заимствован из акустики, обозначает призвуки, входящие в спектр звука. В семантике он обозначает смысловую область, совокупность смыслов – спектр смысловых приращений. В таких терминах, как *квант дискурса* (о тексте), *тонкая пленка цивилизации* (о концептах), *наносмыслы*, *атом смысла*, начинает работать принцип аналогии, который может затрагивать области даже несмежных наук. Смыслы слоятся в метафоре. Данный механизм «возбуждает» в воспринимающем сознании мысль, порождающую свою когнитивную единицу – ме-

тафорический знак. Но, будучи воспринятыми, многие метафоры, ставшие общеупотребительными благодаря своей универсальности, подвергаются обратному процессу – де-метафоризации (*семья языков, языковой союз, словообразовательное гнездо*).

Очень показателен в этом смысле научный стиль работ Федора Гиренка, современного философа, относящего себя к археоавангарду, который, по его мнению, противопоставляет постмодернизму. Термин *археоавангард*, соединяющий в себе прошлое в перспективном развороте к будущему, – это тоже метафора. Стиль философа афористичен и метафоричен. Это подтверждают названия его книг, которые определяют стратегию авторского мышления: *«Клипное сознание; «Пато-логия русского ума. Картография дословности», «Метафизика пата: Косноязычие усталого человека»* (графическая выделенность дефисом элемента *пат* в первой номинации и превращение его в самостоятельную лексическую единицу по второй номинации есть намек на языковую игру, интеллектуальную задачу для читателя). Здесь представлено семантическое столкновение, построенное на омонимической подстановке компонентов: *патология* как отклонение от нормы (*páthos* – «болезнь, страдание») и *пат* как ассоциативный намек на ситуацию в шахматной игре, когда в силу определенных причин партия признается ничейной (имеющий право хода не может им воспользоваться). В этом семантическом распаде кроется содержательная глубина, смысл предьявленного нужно разгадать читателю. Богатство метафор сопровождают рассуждения философа о языке – *узdecka на эмоцию, соглядатай мира, бдительный лекарь, смирительная рубашка для нашего воображения, языковая заглушка; о философии – метафизический блуд, метафизический шов, словесное обволакивание мира, люди лунного света* (философы), *взрыв галлюцинаций, пространство пата* (синоним *плоский застой*), *бег с препятствиями* (понятийное мышление), *колыбель сознания* (об абсурде), *философский палимпсест* [4; 5].

Становится очевидным, что в научном дискурсе метафора не является средством выразительности. Метафора активно «включает» читателя в диалог с автором, в процесс понимания с последующей интерпретацией. Метафора является одним из *когнитивных механизмов «творящей» формы*, благодаря ей формируются теоретические абстракции в рамках парадигмы *личное vs неличное*: схваченный смысл становится базой для конструи-

рования собственного смысла. Таким образом, метафора строится не на прямой номинации фактов научной реалии, она «упаковывает» мысль в образ, который представляет собой отсылку к другому образу. «Метафора – исток <...>, откуда берет свое начало мышление» [4, с. 16], она заставляет рефлексировать воспринимающее сознание. Метафора есть когнитивный феномен, необходимый в *моделировании* генотекста.

Подводя итог представленным рассуждениям, выделим несколько причин активного использования метафоры в научном дискурсе.

- *Специфика научного познания.* Когнитивная модель познания естественным образом вписывается в живую схему научного дискурса. Для «встраивания» нового знания в общую систему требуется использование механизмов, основанных на *аналогии*. Таков механизм метафоризации, опирающийся на интуитивный и рациональный компоненты познания.

- *Креативность метафоры.* Метафорическая номинация в научном дискурсе характеризуется научной интригой, притягивающей к себе внимание читателя, потенциального оппонента, представляет собой «рекламный ход» в научном освещении.

- *Смысловая активность метафоры.* Метафорическая единица концентрируется вокруг одного семантически значимого признака, ассоциативно вбирает в себя огромную смысловую сферу.

- *Информационная емкость метафоры.* Созданная на базе ассоциативных связей, метафора позволяет охватить «одним взглядом» значительный информационный пласт, а на его основе строить смысловую перспективу нового научного исследования.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Виноградов В.В. Проблема образа автора в художественной литературе // Его же. О теории художественной речи. М., 1971. С. 105–211.
4. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2015.
5. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998.
6. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу. М.: Академ. проект, 2003.
7. Пустовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982.

8. Фаустов А.А. К вопросу о концепции автора в работах М.М. Бахтина // Формы раскрытия авторского сознания (на материале зарубежной литературы): межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С. 3–10.

9. Interview with contemporary Siberian philosopher Fyodor Girenok [Electronic resource] // Slovo. 2014. Vol. 26. № 2. URL: [http://discovery.ucl.ac.uk/1451646/1/2_Fyodor_Interview_\(26.2\).pdf](http://discovery.ucl.ac.uk/1451646/1/2_Fyodor_Interview_(26.2).pdf) (дата обращения: 12.05.2018).

* * *

1. Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. M.: Hudozh. lit., 1975.

2. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1979.

3. Vinogradov V.V. Problema obraza avtora v hudozhestvennoj literature // Ego zhe. O teorii hudozhestvennoj rechi. M., 1971. S. 105–211.

4. Girenok F.I. Klipovoe soznanie. M.: Prospekt, 2015.

5. Girenok F.I. Pato-logija russkogo uma. Kartografija doslovnosti. M.: Agraf, 1998.

6. Kristeva Ju. Semiotika: Issledovanija po semanalizu. M.: Akadem. proekt, 2003.

7. Pustovalova V.I. Jazyk kak dejatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii V. Gumbol'dta. M.: Nauka, 1982.

8. Faustov A.A. K voprosu o koncepcii avtora v rabotah M.M. Bahtina // Formy raskrytija avtorskogo soznaniya (na materiale zarubezhnoj literatury): mezhvuz. sb. nauch. tr. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1986. S. 3–10.

The image of the author in the scientific discourse: metaphorization as a means of forming scientific abstractions

The article describes the text category «image of the author.» The author considers the phenomenon of the text as an open system included into a discourse where the source text unit is not equal to the final product, the modeled text. The category “image of the author” is defined within the framework of the concept of the primary and secondary author. The author indicates that a metaphor in scientific discourse actively involves the reader into a dialogue with the researcher, in the process of interpretation of meaning. It is shown that metaphorization is necessary in the modeling of a secondary text as one of the cognitive mechanisms of the «creating» form.

Key words: *author’s image, discourse, interpretation, modeling, meaning, metaphorization.*

(Статья поступила в редакцию 27.09.2018)